КОВЧЕГ

(Изображение и смысл в стихотворениях Евгения Юшина)

Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои —
Потому что это я и есть.

Евгений Юшин

Русская поэзия сегодня довольно скупо изображает окружающий человека мир. Как правило, наиболее рельефные черты пейзажа или жанровой мизансцены в стихах присутствуют очень выборочно, штучно — дабы подвести сюжет к конечному обобщению целенаправленно и не отвлекать внимание читателя на нюансы, как бы схваченные боковым зрением. Почти не встречаются природные панорамы, в которых одна деталь с непостижимой естественностью и свободой соединяется с другой, третьей — и при этом авторская мысль никуда не уходит, но явно возвращается в текст и обозначает общий лирический итог поэтического рассказа только в финале.

Теперь все больше внимание пишущего сосредоточено на интерьере, вещах мелких, ситуациях обиходных. Сор, из которого произрастают стихи, по саркастической мысли Ахматовой, ныне вторгся в поэзию и самоут-

вердился. В огромной степени это касается стихотворений «либеральных» авторов, вплотную занятых проблемами самовыражения. Но и так называемая «консервативная» лирика не чужда соблазну познакомить нас с мелочами жизни поэта и штрихами его частной жизни. Гротескные картины городского быта здесь адресуются, скорее, уму читателя, нежели его чувству и ощущению красоты.

Провинциальное или сельское житье-бытье дается в определенном смысле «по факту»: герой — органическая часть создаваемой стихотворной композиции, а в интонации повествования нет скрытой, практически невидимой стороннему глазу прикрепленности к городу. Нет тайного сопоставления мегаполиса и деревни, когда удивительная по выразительности картина, увиденная нынешним жителем «каменных джунглей» в сельском отчем крае, стала бы главной и самодостаточной.

Одухотворенная во всех своих приметах и людях, эта поэтическая живопись, а порой и рисунок — редкость по нынешним временам. Поэты, которые выбрали для себя такой художественный путь, во многом оказываются творческими наследниками Есенина. Внутри подобного литературного окоема можно найти разные и взаимно не похожие голоса. Стихотворения Евгения Юшина — одно из самых ярких явлений этого корпуса современной русской лирики.

У Юшина есть две строфы, которые могут служить своего рода духовно-творческой моделью его авторской речи:

Вишни падают. Вся земля под деревьями — сыпью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, вприсядку по грядкам шаги свои сыплет.
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.

Я люблю это время молочное в сахарных осах.
Тонкий ломтик луны у горбатых под сеном телег.
И все смотрит куда-то сквозь поле и небо береза.
Что-то знает душа, но не может понять человек.

В первых шести строках даны время и ближнее пространство. В предпоследней строке — пространство широкое, которому свойственно одиночество. В финале обозначена метафизика, экзистенциальная невысказанность, неподвластная формулировкам: «не может *понять* человек» — житейское; «что-то *знает* душа» — неземное.

В той или иной мере такой смысловой строй присущ очень многим произведениям поэта. Даже там, где изобразительная задача целиком владеет автором, и он закольцовывает сюжет наглядными предметами, с которых и начиналась вещь. Даже там внутренняя раздвоенность его чувств и сознания скрыто присутствует в тексте и сказывается в акцентах словесной картины. Именно потому жанровые и природные сюжеты у Юшина не становятся декоративными. У иного автора подобные детали только множатся. И едва ли не главным достоинством поэтики такого сочинителя оказывается лишь этот, несомненно, важный прием и умение им пользоваться «не по чину».

В стихах Евгения Юшина пейзаж не перегружен избыточными деталями. Но, обозначив явление или его фактурную, узнаваемую часть, автор перемещает свой взгляд дальше и создает панорамное изображение. Склонность к панораме при соприкосновении с внешним миром можно счесть главной особенностью зрения поэта. В этом движении певца-наблюдателя есть некая затаенность. Его речь адресуется куда-то вовне — тем людям, которые должны «войти» в поэтическое око и принять все, им увиденное: радостное, грозное, печальное, достойное восхищения и поклонения, сочувствия и горькой слезы.

В этом мерном переходе взгляда от одного к другому можно найти образ целого, которое нельзя разъять, дабы не разрушить красоту внешнего и глубину сокрытого. Совсем не так — во множестве современных «стихотворений-телеграмм», переполненных разными мелочами и штрихами. В них интонационные и сокровенные связки между срезами реальности и оттисками души, кажется, намеренно изъяты из контекста, вырезаны виртуальными ножницами — характерным инструментом лихорадочного рассудка стихотворца. У Юшина — иначе.

Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озера в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.

Здесь дни широки, а полночные звезды остры.
Леса молчаливы, но все о себе понимают.
Туманы буксуют на волнах коричневой Пры.
Лещи из густых омутов зеркала поднимают.

Сгущаются красные сумерки возле домов.
И мчит колесо золоченой листвы издалече.
Придут Кочетковы, Степашкины, Коля Нырков,
И старый баян развернет угловатые плечи.

Не только за чаем мы будем сидеть допоздна.
Пройдут, не спеша, перед нами дожди молодые,
Раскаты объятий, мурашки рассвета, весна, —
Вся жизнь пролетит, и накатятся слезы седые.

Потом все разъедутся. Встанет луна у ворот.
Притихнут собаки, и в сердце осядут печали.
И спелое яблоко гулко в траву упадет,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.

Стоит особенно отметить, что у Евгения Юшина все, о чем он пишет, принадлежит *нам всем* — даже когда речь идет о чем-то личном. У него очень часто встречается или подразумевается оборот «у нас тут» («только здесь», «нам ближе»). И кажется: входя в душу поэта, ты принимаешь как давно знакомое то, что лишь сейчас увидел и понял, почувствовал и оценил.

И только здесь, где поля — вволю,
Душа, страдая, познает
И липы голос колокольный,
И взгляд старухи у ворот.

У читателя — свое поле, и он догадывается, что душа познает мир, только страдая и отдавая часть себя другому, может быть — *всем* («старуха») или *всему* («липа»). Но здесь возникает еще и контраст динамики происходящего: голос колокольный *звучит*, старуха смотрит *пристально*. Движение и покой в непостижимом единстве пронзают твое сознание, скользящее по лирической странице — оно принимает нарисованное как что-то личное, собственное, уже неотделимое от твоей прошлой и настоящей жизни, от родной земли и певца, нашедшего путь к еще одному сердцу.

И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает,
И сердце, словно угли, шевелит.

Юшин в стихах изобразителен, но не рассудителен. Он как бы дает в финале очередной истории свой маленький авторский комментарий. Между тем, ком-

ментатор не равновелик увиденному. Будто выходя из живописного полотна, он взвешивает положенное на холст — и существующее, а потом опять уходит в краски и линии, вышедшие из-под его руки, оставляя читателю свет и тени, лица и пространство, домашний обиход и приметы леса, поля, неба и земли. В его сюжетах всегда присутствует очень точный ключевой образ, который связывает стихотворную ткань с визуальной, ум — со зрением:

Мы и живем-то, словно что-то просим,
Подобно зимним птицам на снегу.

Отдельная от больших городов провинциальная жизнь, скудная и самодостаточная, по полноте чувств такая же, как и в другом удаленном от шумного центра месте («И здесь живут, и здесь чему-то рады, / И здесь хватает муки и страстей»). У поэта, зимнего жителя мегаполиса, совсем не найти сухого, безжалостно трезвого ума, ныне особенно распространенного в своем космополитическом изводе, но есть — безоглядная вовлеченность в русский мир. С городом автор не связывает собственный путь — судьбу и творчество, потому что иллюзорный асфальтовый рай высушивает человека. И он уезжает из города в деревню, в «домотканую провинцию», возвращаясь к истинному ощущению жизни («Изо всех карманов город выброшу...»).

Когда Юшин погружается в реалии природы, он почти всегда использует как художественный прием олицетворение. Ткань его стихотворной речи мастерски принимает в себя этот троп, который выполняет свою роль почти незаметно, не выходя на первый план, но будто «сшивая» собою отдельные фрагменты панорамы. В результате под пером поэта окружающий мир (как правило, сельский) предстает удивительно живым, похожим на все человеческое, одновременно принимая в себя и самого человека — искреннего и открытого душой.

И хотелось свистеть, словно птаха,
И хотелось брести и брести
Мимо сосен в тяжелых папахах,
Мимо рек, потерявших пути.

Отметим, что Юшин всегда присутствует в своем сюжете, так или иначе являя собственное лицо и волю. И потому его поэтическая живопись никогда не наскучит, ибо в ней все движется, меняется — не убегая от автора, но будто идя с ним рука об руку. Органичное чувство полноты жизненного и природного круга позволяет поэту насыщать свои строки объемом и дыханием, соединять наглядно-близкое и смутно-далекое. Самобытная и житейски узнаваемая образность, классическая ясность картины и взвешенная целостность многих произведений Евгения Юшина аукаются с лучшими образцами русской натурфилософской поэзии.

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И все, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несет молока.
Наладил сетенку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А все ж оживает Россия.

Природные стихи у Юшина никогда не бывают угрюмыми. Кажется, знание о круговороте времен года дает ему уже чисто человеческие душевные силы и позволяет с радостью встречать и весеннее обновление, и могучую стихию грозы. Он становится частью торжества жизни и частью непредсказуемой стихии. Никакое буйство окружающего естественного мира не устрашает его лирического героя, почувствовавшего свое родство с природой.

А сколько жить — на то не наша воля.
А сколько петь — на то не наш загляд.
Черпнешь волны, а в ней качнется поле.
Черпнешь небес, а в них вздыхает сад.
.....
И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и долы.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.

Отмечая красоту и сказочную нерукотворность земли и неба, поэт всегда прикреплен к настоящему времени. Радость бытия во многих его стихах вызвана восторгом проживаемого мгновения. Но есть еще прошлое и будущее. Вчерашний день у Юшина связан с ушедшими родными и с тяжкими эпизодами русской истории. Эта «мемориальная» часть его поэтики напитана грустью и тихим счастьем, горечью и гневом. И всякий раз автор находит окрашенный чувством образ, сотканный из нитей родства и справедливости, нежности и надежды, который в двух строках содержит неотделимые друг от друга русский смысл и русский порыв.

Прощание с отцом, дошедшим в Отечественную до Берлина: «Ты нес на плечах меня майским счастливым парадом. / Теперь вот другие тебя на плечах понесли».

Обманчивая тишина на Руси: «Сколько вражьих чубов причесалось о вилы и обух — / Помнят травы ночные, кровавый брусничный кисель».

Предки, которые всегда с нами: «Разделят радость и спасут от горя, / Покуда сам я не забуду их».

Негаснущая любовь к отчей земле: «К снегом запорошенному краю, / К селам, почерневшим на крови».

Оглядываясь в минувшее, поэт просит Бога о будущем русских крестьян:

Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не вменяй им, Всевышний, в вину.

Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.

И теперь уже перед нами не упоенный земным существованием певец, но ходатай за всю историческую Русь. Поминая «железный ветер» рубежа тысячелетий, он видит внутренним взором давние дни и сегодняшние. Какая страшная доля выпала русскому человеку: одолеть фашистского врага — и через полвека попасть под пяту либерального хищника с холодной и циничной душой!..

В морщинах бревен — пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.

И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.

И бабушка, и мама — молодые.
И песни — не удержит соловей.
Какие здесь черемухи льняные!
Какие искры на глазах коней!

Любовь к русскому пахарю и русскому воину проходит через все стихи Юшина. Для него это — то родное, что принимается целиком, без упрека и рационального учета достоинств и недостатков. В его голосе нет отстраненности, судейской или ворчливой интонации. Напротив, приподнятость авторской речи — здесь органическое и ничем не отменяемое свойство характера и таланта поэта.

Евгений Юшин — художник средней полосы России. Образ и персонажи деревни у него объемны, красочны, сердечны, тогда как город ему не интересен, скуден и выглядит не ярким, а мимолетно-пестрым. Точно также «северные этюды» в его творчестве, скорее, плод ума, нежели сердца. Эти строки выразительны, однако в них нет единственности.

Между тем, несмотря на то, что иные сельские стихи поэта кажутся быстрой зарисовкой, практически всегда в этих текстах есть пронзительное наблюдение или глубокий образ, смысл которого множится. Называя родное «зеленое село» библейским ковчегом, который плывет по волнам, поэт неявно обозначает оба значения этого слова. Ковчег — корабль, спасающий людей и животных. И одновременно — ларец, в котором хранились скрижали с заповедями человеческого бытия. Сниженный до душевного обихода строгий исторический символ насыщен теплотой и самыми разными приметами. Но в нем есть два кардинальных смысла: Спасение и Наставление. Деревня спасительна для истерзанной души русского человека, потому что дает ей извечный закон, по которому устроены природа и главные ценности русского мира: любовь, семья, память, труд, созидание, милосердие, детство, достоинство, честность, самоотверженность, благодарность, уважение... Все это хранит в себе пространство русской деревни, знавшей на своем веку и покой, и беду.

Меняются времена, люди без рода и племени говорят, что сельский мир в России почти умер. Однако здесь принято верить не лукавым пророкам, а вдохновенным поэтам:

И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полынь
и этот белый свет.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Веслом листаешь волн страницы...
А прочитаешь, и поймешь
Осоки шепот, свист синицы,
И леса утреннюю дрожь.

И путь полей меж перелесков,
Дороги пыльной непокой,
Герань за чуткой занавеской
И голос церкви за рекой.

Ты в этом голосе услышишь
И журавлиный переклик,
Молитву бора над кладбищем
И песни пращуров своих.

А путь земной, где ветер свищет,
Где славят юность соловьи,
Доверь проселку. Он отыщет
Дорогу к людям и к любви.

И озаришься песней луга,
И разглядишь на вишне пот.
Сидит на солнышке старуха,
Слова невнятные жует.

И целый век — гремучий, грубый —
Преподнесут, как чудеса,
Ее пергаментные губы,
Почти незрячие глаза.

Увидишь вдруг: за красноталом,
За камышовым ветерком
Заря — лоскутным одеялом,
Туман поречный — рушником.

* * *

Я осень тихую приемлю
Без рваных северных ветров,
Когда листва летит на землю
И гонит к стойбищу коров.

Ну и какие в том печали?
Всему на свете свой черед.
— До встречи! — птицы прокричали.
— До встречи! — выдохнул народ.

— Курлы!.. —
И что же в том такого?
Простор. И журавлиный свет.

И все ж душа рождает слово
О всех, которых с нами нет.

Кто так же пели и любили,
Хранили Русь, страдали с ней...
И вот однажды проводили
Своих последних журавлей.

Холмы пологие печальны.
Всему на свете свой черед.
И звездный берег — дальний-дальний
Молитву древнюю поет.

* * *

У отца — голубы глаза.
У отца отдохнуть нельзя, —
Все рассказы и все расспросы.
А за окнами — лес стеной.
А за окнами — свет льняной.
И о детстве шумят березы.

А отец мне: — Ну как живем?!
Хорошо еще, что жуем.
Кое-как огородом сыты.
Вот вернули в Россию Крым —
Это правильно. Победим!
А свои старики забыты.

Прогуляться пойду, взгрустнуть.
Память давняя стелет путь.
И луга под росой — белесы.
Друг — уехал, другой — убит.
Звездный рой надо мной гудит,
Волны катятся нетверезо.

За оврагом туман обмяк.
Все как прежде, но все не так.
Школа — вот она — дверь забита.
Дом соседский пошел на слом.
Туча тянется над селом.
Вилы ржавые у корыта.

Возвращаюсь домой скорей.
Но цепляет меня репей:
— Не спеши! Оглянись! Послушай! —
Нет в селе уже ни огня.
Только ветер и тополя,
И над полем — родные души.

Нет в селе уже ни огня.
Смотрит родина на меня

Из смородины, из рогоза.
Узнает меня, узнает,
Все вопросы мне задает,
Окаянные все вопросы.

Вот я в доме. Крадусь впотьмах.
Месяц — клювышком в тополях,
Дух черемухи из потемок.
Вот поднялся отец: — Приляг!
Ты скажи мне, сменили флаг...

Голосок половицы тонок...
Ходит старость на белых ногах,
Чуть покачиваясь спросонок.

* * *

Смотрю на реку, как в окошко —
Березы в ней и облака.
Растянет ветер волн гармошку
И все сотрет наверняка.

Все переменчиво, все скоро.
Наземный век людской, как миг.
Вот солнце прилегло на горы,
А вот и кануло за них.

И потому ценю мгновенье:
На глади волн — листок луны,
Любимой шепот откровенный,
В бородке моха валуны,
Ручья серебряные трели,
По большаку спешащий МАЗ...

Заря припала на колени
И смертно молится о нас.

ИЮНЬ

Какой поэт тебя придумал?!
Каким ты вырвался огнем?!
Май полыхнул, пропел — и умер,
И скачут зори день за днем.

Срывает шапку одуванчик,
Дорога прячется в пыли,
И колокольчик в свой стаканчик
Мед поднимает из земли.

И все гудит: поля пшеницы,
И в жилах кровь, и дальний гром.

И шмель велюровый кружится
Над полыхающим цветком.

Ныряют на веревке майки.
Кружи, июнь, меня, кружи!
По-женски вскрикивают чайки,
Стрижи черкают чертежи.

И, обомлев под небесами,
Склоняются на водопой
Коровы с волглыми глазами
И кони с бархатной губой.

Я здесь родился: в этих травах,
В счастливом щебете лесном,
В искристых волнах-переправах —
Лучом на листике резном.

Здесь вечерами свет старинный
Зари тягучей, словно мед.
В мохнатой шубе комариной
Июнь по берегу идет.

Его мы ждали с новостями
От земляничных бугорков.
С туманом, с полными горстями
Росы в ладонях лопухов.

И он пришел! Ликуют птахи!
Густы и пенны острова,
И реки синие рубахи
С утра вдевают в рукава.

Пасут мальков Ока и Кама.
Хрустят кабаньи камыши.
О дорогой и близкой самой
Малинник шепчется в тиши.

И сладковато тлеет сено.
Я жду, любимая, когда
Твоих кудрей густая пена
Меня заманит в невода.

Звезда сорвалась, словно кречет,
И на стожок туман прилег.
И сердце бьется и трепещет,
Как подфонарный мотылек.

И ты горячая, родная,
У костерка, где сон и тишь,
Зарей колени поливая,
Меня, конечно, соблазнишь.

И долго будет ветер жгучий
Ночною заметать золой
Певучий луг и сад кипучий
Под самоварною луной.

* * *

Очень медленно надо идти,
Чтоб увидеть живущее рядом.
Дремлет шмель у цветка на груди,
Строят дом муравьи у ограды.

Если вдруг побежишь —
промелькнут
Очи милой и яблоки сада.
Мимо сердца дожди упадут,
Мимо сердца — любовь, и утраты.

И ничто не затеплит груди:
Мамин взгляд, журавли над отчизной,
Друг желанный, погост на пути…
Словно ты и не встретился с жизнью.